

84(2=632.93)-5

Б 86

1254381

ИНЫ—НЕТ ДЛЯ ПОЭТА.

БЕЗ НЕЕ — ОН КОРАБЛЬ НА МЕЛИ
СЛАВЛЮ РОДИНУ.

ТОЛЬКО ПРО ЭТО

ВСЕ СТИХИ И ВСЕ ПЕСНИ МОИ.

ИССА БОТАШЕВ

ОДНОМА
КТОМУ

На личной библиотеки



Алима Кашокова

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАЛЬЧИК • 1965



Перу балкарского поэта-драматурга Иссы Боташева принадлежит ряд многоактных и одноактных пьес („Рассвет в горах“, „Судьба Солтана“, „Подвиг горянки“, „Орлы любят высоту“ и др.), два поэтических сборника („Пою от всего сердца“, 1956, Фрунзе; „Вторая встреча“, 1961, Нальчик). „От дома к дому“ — первый сборник стихов поэта в переводе на русский язык.

Боташев член КПСС с 1958 года, член СП СССР с 1956 года; окончил Высшие литературные курсы Союза писателей СССР, студент-заочник литературного института имени Горького.

И С С А Б О Т А Ш Е В



Д О М А

Д О М У

1024387

С Т И Х И
П О Э М А

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В Д О Р Т И Б К В Р

Л . П . Т . О . М . О . С В

ОТЧИЗНЕ

Рыба дышать не может,
Вырванная из воды.
Горный орел не может
Жить без родной высоты.

Я изнывал от зноя
И замерзал в снегу.
Знаю теперь одно я:
Без родины — не смогу!



О, как же я по вас тоскую, горы!
И по лугам, и по ущельям голым,
По буйным рекам, что седы от пены,
И по долинам тихим и степенным.

Тоскую я по вас, родные горы!
По родникам, жемчужно-светлым, гордым,
По тем местам, в тени, у самых скал,
Где ягоды я мальчиком искал.

Безмерно я по вас тоскую, горы!
Родной аул мне светится сквозь годы.
Как к матери, любя ее одну,
Ребенком я к земле моей приплыву!

РОДНИК ГИРХОЖАН

Я к тебе, как ребенок, бежал —
Материнское что-то в тебе!
Припадаю к тебе, Гирхожан,
И гляжу, как в глаза судьбе.

Гирхожан, ты молчишь, молчишь.
Плещешь доброй прохладой вод.
Пью и пью тебя...
Так малыши
Материнскую грудь сосет.

1956



Словно гром, грохочут руки —
Тамада выходит в круг.
Гармонист, играй — в округе
Скошен хлеб, скирдован луг.

Старик с собой не сладят —
За танцорами идут,
Горцев слава, горцев радость —
Завершенный к сроку труд.

Рассвет самый первый.
Первый взлет на горячем коне!
Если сердце застрянет вдруг где-то,
Попадетя в ловушку любви,
Даже это не сломит поэта:
Соловьи — да не те соловьи!
Только горы мой путь измеряют.
Здесь живу. Здесь ращу я сынов.
Здесь умру...
Как слоны умирают
Лишь на кладбище старых слонов.

БЛАГОДАРЕН, ПАРТИЯ, ТЕБЕ!

Кем был отец мой? Был он темным горцем.
Бедняк. Пустой карман. Плохи дела...
Но ты над горцем засияла солнцем
И к новой жизни горца позвала.

За все, что было для отца запретным,
За счастье, обретенное в борьбе,
Всем самым сокровенным и заветным
Я благодарен, партия, тебе!

Живу тобой, твоим доверьем гордый,
Тебя святыней в сердце берегу.
Пусть проклянут меня родные горы,
Коль быть достойным сыном не смогу!

НЕВРУЧЕННЫЙ ПОДАРОК

Необыкновенно было всё это...
В семнадцать лет, среди скал и лесов,
Как заблудившийся путник — рассвета,
Я ждал тебя, первая в жизни любовь.

О, как волновался я в этот вечер,
Подарок я нес, прижимая к груди,
И деревья светили мне, будто бы свечи,
Освещая поющий поток впереди.

А любовь была, как поток, стремительна,
И орленком, узнавшим крылья свои,
Я летал над тропинкой своей удивительной
В потаенное место первой любви.

О моя первая. моя крылатая.
Ты стала песней неслетой моей.

Хоть пытались помочь тебе все пернатые,
Подпевая на скалах, среди трав и ветвей.

И откуда беда пронеслась с неба ясного
И размыла тропинку моей первой любви...
Это было тогда, в день веселого праздника,
Когда дарят любимым подарки свои.

Кто столкнул меня вниз, чтоб летел, как
пушинка,
От родимой земли неизвестно куда?
В этот день ни один я расстался с тропинкой.
А с любовью первой своей — навсегда.

Песня первой любви до сих пор не доета,
И подарок мой первый никому не вручен,
А тропинка в горах снова солнцем согрета,
И птичьим азартом, и звонким ключом.

МОЙ НАРОД

Одна у человека мать. И родин
Народу тоже больше не дано.
Нет зависти к другим в моем народе —
Он любит хлеб свой и свое вино.

Ни на какие блага и богатства
Не променяет мой родной народ
Свою любовь к отчизне, верность, братство,
Которое вовеки не умрет.

Пусть он мал, но горд и прям душою —
Всегда любую вынесет беду.
Я преклоняюсь пред его большою
Душою! И его путем иду!

НАВЕКИ ВМЕСТЕ

С народом твоим родились мы
В горах под одною звездой,
И вместе, как братья, ходили
К Баксану за чистой водой.

И хлеба кусок мы делили,
И вместе встречали беду.
Крепка наша горская дружба,
Живем меж собою в ладу.

Язык твой, красивый и гордый,
Звучал с нами рядом всегда.
Он создан для песен. Так пой же,
Родная сестра Кабарда!

Мы песни твои любили,
Балкарец их всюду поет —

На пастбище, в дальней дороге
И вечером после забот.

А в ваших селеньях мы слышим
Кязима — на свадьбах поют.
Стихи его радуют сердце
И благословляют на труд.

У песни орлиные крылья.
Как ветер Кавказа, вольна,
Летит по горам и ущельям,
Приходит в аулы она.

И в лад с ней сердца наши бьются,
И песня взвивается ввысь.
На древней земле наших предков
Мы строим прекрасную жизнь.

Столетия прожили мы рядом,
Не зная вражды никогда.
Ты брат наш — кабардинский,
Навеки нам друг — Кабарда.

1965



Ты, мой народ, трудолюбив и горд.
Твой дух высок, как гребни наших гор,
И так же высоки твои мечты.
Я верю, что всего добьешься ты!

Февраль, 1957

1254381

Э. И. Боташев

В дар ГНБ КБР
Алиш Кешоков

КЛЕВЕТНИК

Низок и ничтожен клеветник.
Пусть отсохнет у него язык!
Совести — на грош у подлеца.
Он продаст и друга и отца.

Внешне человек он, но — увы! —
Эта голова без головы,
Сердце бессердечно, а души
в злобненькой душошке — на гроши!

Клеветник — вот, бестия, хитер!
Свой черпак сует в чужой котел.
Рад, засунув нос почти на треть,
В скважину замочную смотреть.

Тих, неслышен, прямо невесом,
Ходит по дворам бездомным псом.

Собирает сажу, мусор, грязь...
Клеветник — не человек, а мразь!

Если двое дружат, дружбу ту
Гнусно окунет он в клевету.
Каждого считает он врагом,
Для него плохие — все кругом!

Всё, куда он только ни проник,
Точит червем вредный клеветник!
Ипоганит всё он — лишь позволь!
Всем мешает, как больной мозоль.

Как бывают в поле сорняки,
Так и в жизни есть клеветники.
Клеветник — еще бытует он...
Но... Траву дурную — с поля вон!



- Они живы, твои отец и мать?
- Они здоровы. И крепки они.
- Ты счастлив! Ты их можешь
обнимать,
Обогревать их в пасмурные дни...

Я знаю дочку, знаю и сына,
Я помню, как они для стариков
Жалели даже чашку молока,
А на поминки — резали коров.



Если на улице пляшет буран —
В доме душа отогреется.
Но если и в доме твоём буран —
На что же тогда надеяться?



Жить без любви — что есть несолоно.
Жизнь без любви скучна, пресна.
Что без любви, скажите, создано?
Любовь нужна нам, как весна.

Любовь — сестра родная жажды.
Но жажду утолишь однажды
Водой — свежа в горах вода! —
А вот любовью — никогда.

Любовь, ты — радость, но и слезы.
Когда ты кем-то предана,
В тебе есть что-то от берёзы,
Которая грустит одна...

ФОНТАН СЛЕЗ

В горах, где я с пеленок рос,
Есть песня о фонтане слез,
О том, как в дни былые,
Покинув свой Бахчисарай,
Разбойник-хан скакал в наш край
Чинить набеги злые.

Он черным вихрем в горы мчал,
Любовь с любовью разлучал..
Доныне горы помнят
Горянок горе и позор.
О этот путь в низину с гор —
Он их слезами полит!

Любви растоптанной печать —
Стал камень слезы источать
В садах гаремов душевных,
Где увидала их краса,

Где гасли грустные глаза
В чаду ночей недужных.

...Стою, смотрю, как я прирос
К фонтану слез, к фонтану слез!
Я здесь, в Бахчисарае.
По камню тихо, как беда,
течет безмолвная вода.
Молчит земля сырая.

Фонтан! Ты помнишь те лета.
За что, скажи мне, красота
Погублена в неволе?
О, для того ли рождена
И в песнях пламенных она
Воспета — для того ли?..

Фонтан молчит. Но так молчит,
Что тем молчанием — кричит!
Безмолвным криком замер.
Уныло капает вода.
Любовь, что сгилла навсегда,
Оплакивает мрамор...

Бахчисарай, 1960

У МОГИЛЫ ГРИБОЕДОВА

Я спрашиваю у судьбы,
Присвоившей права судьи:
— Не слишком ли подчас к нам строг
Слепой неумолимый рок?

Скажи, судьба, зачем тебе
Быть горем в чьей-нибудь судьбе?
Вот этот человек...

Ответь,
За что ему такая смерть?

Зачем, жестока, как тиран,
Его швырнула в Тегеран,
Чтоб, счастье ощутив едва,
Завяла юная вдова...

Но — нет, судьба! Пускай ты зла,
Послушай,— не твоя взяла!

Он жив, наперекор судьбе,
Наперекор, судьба, тебе!

Жив! И, покуда живы мы,
Сердца волнует и умы.

Тбилиси, 1959

СЕРДЦЕ

Ты всё трудишься, сердце...
Вот уже тридцать семь мне,
Ну а ты — всё весеннее,
А не осеннее.

И часы отдыхают,
Нужен новый завод им.
Ты же — без передышки
Стучишь год за годом.

Уж такое — не может оно
Не трудиться.
И при этом собою
Ничуть не гордится!

Сколько вынесло, сердце, ты
От рождения самого,
От биения первого —
Тихого, слабого?

Главный груз, груз любви —
Он, как горы, огромен.
Ну, а кроме любви?
О, немало и — кроме...

Помнишь, сею косил я?
Долго плечи ломало...
Да, со мною ты, сердце,
Хлебнуло немало...

Над учебником я
Коротал свои ночи.
А теперь — видишь, сам
Строю здания строчек.

И за то, что спешу,
Ты прости мне сердечно.
Я ведь сердцем пишу,
Ну, а сердце — не вечно...

Так стучи! Чтоб сказали,
Что жил я не даром,
Когда стукнешь мне в грудь ты
Последним ударом...

ЖАЛОБА СОСЕДА

— Ахмат, соседи все подряд
О твоих детях говорят:
«Скромны, честны — вот дети!»
Так говорят соседи.

Ведь есть счастливые отцы!
Ну, а мои — ох, сорванцы!
В них тьма дурного, злого...
И лгут мне, что ни слово.

В чем дело тут? Пропну, сосед,
Открой секрет...

... Секрета нет.
Здесь правила совсем просты,
Но иначе не выйдет:
Будь сам таким, какими ты
Детей хотел бы видеть!

У РОДНИЧКА

Вновь с Жан-Баша* веет ветер,
Теплый, как и этот вечер.
В чистом небе месяц светел.
Он — свидетель нашей встречи.

К родничку идешь с кувшином.
За тобой иду я робко,
Так, как будто бы к вершинам
Поднимаюсь узкой тропкой.

За водою голубою
К родничку ходи почаще,
Чтобы чаще нам с тобою
Он дарил свиданий счастье.

* *Жан-Баш* — гора.



Кто хлеб берет нечестною рукой,
Он разве знает счастье и покой?
Тот разве знает радость и любовь?
Лишь вечный страх ему тревожит кровь,
С ним ест, и пьет, и начинает день,
За ним плетется по следам, как тень.
Но первый честно съеденный кусок
Тебя до звездных вознесет высот,
И в первый раз рука не задрожит —
О, в ней спокойно честный
хлеб лежит!

МОЙ ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Гуляла женщина в саду.
Была
Вся яблоня бела.
И женщина была в цвету,—
Меня под сердцем берегла.

И стала матерью потом.
Меня баюкала в тепле.
И с нею рядышком, вдвоем
Был первый шаг мой по земле.

Был с нею первый разговор
У нас на языке родном.
И песни наших древних гор
Она мне пела перед сном.

Прошли года, подрос и я,—
И школьный зазвенел звонок.

Мне мать сказала, уходя:
— Учись, родной. Учись, сынок...

Цвели сады.
Прошла весна.
А с ней —
Пора забав, затей.
И вот — услышал я:
— Война!..

Где мать?
Пришел я к первой, к ней.

Любовь ее — превыше гор,
Кинжал отца — острее скал.
Своей душе наперекор
Она вручила мне кинжал.

В строй проводила,
И пока
Была в опасности страна,
Все эти годы на врага
Со мной незримо шла она.

О, мир — солдатский побратим!
Я целым вышел из огня.

Старушка мать домой живым
Ждала меня. Ждала меня!

Меня ты с самых первых дней
Учила жить — не умирать.
Мне всех учительниц родней
Моя учительница-мать.

В СУМЕРКИ

Луна по небу медленно плывет,
А небо все темней, темней... и вот
Вечерним, мягким голубым огнем
Большие звезды вспыхнули на нем.

А пенье птиц — как будто детский хор —
Доносится, не молкнет до сих пор.
И штипором из труб клубится дым,
Он кажется на воздухе седым...

О, этот запах каждому знаком!
Аулом пахнет, печкой, кизяком...
И этот запах, что знаком до слез,
Как тонкий пруттик, мне щекочет нос...

ПЕСНЯ КОЛХОЗНИКА

Друг строитель! Я славлю твой труд.
Славлю щедрость мозолистых рук.—
Сколько светлых домов возведут,
Сколько счастья поселят вокруг!

Я — чабан. Не живу в городах,
Берегу я отары в горах.
Приезжай поскорее сюда:
Пусть аулы растут в города!

Друг текстильщик! Спасибо тебе,
Наши беды забыты давно:
Не чепкен домотканый — теперь
Я ношу городское сукно.

Я — пастух. И течет далеко
Белой речкою с гор молоко.

Шерсть и мясо по новым путям
Вдоволь я отправляю друзьям.

Друг рабочий! Пахать нам пора,
Слышишь ветра весеннего гул?
И спешат из цехов трактора
На работу в колхозный аул.

Я — колхозник. И много садов
Возле самых взрастил облаков,
И гляжу и гляжу с высоты:
Вижу я города-сады.

ПОДАРОК

Я любимой говорю:
— Чем тебя я одарю?
Подарить бы серьги, что ли?
Там два камня цветом в поле.
Только, понимаешь,
Серьги поломаешь...

Подарить бы шелк на платье!
Но одним смущен опять я:
Платье быстро сносишь —
Обо мне не спросишь...

Не шелка, не брошь, не бусы —
Вот тебе цветы с Эльбруса!
Собирал я их один,
Высоко, у вечных льдин.

Ты обрадуешься сразу,
Ты цветы поставишь в вазу.
Но — завянут все цветы.
Обо мне не вспомнишь ты!

Вместо платья, вместо перетня,
Вместо хрупкого цветка
Подарю я песню!
Песня —
Не на день, а на века.

От души она поется,
О тебе се слова.
В ней любовь, как сердце, бьется,
А любовь — всегда жива!

ОТЧЕГО ТЫ, СЕРДЦЕ,
СЖАЛОСЬ?..

Отчего ты, сердце, сжалось?
Жалкие — одну лишь жалость
Вызывают люди эти,
расставляя силтен сети.

Лгут, судачат... Пусть судачат.
Значит, есть о чем судачить!
Пересуды эти значат,
что пока что мы — с удачей!

1962

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Летят, пролетают лета...
Но помню я детские годы,
Хоть нынче иные заботы
И нету от детства следа.

Тот след меж ущельев исчез...
Но помню я детские годы
И наши мальчишьи походы
По красные ягоды в лес.

И помню я, как чабанам
Ягнят мы пасти помогали,
Как чутко нам горы внимали
И радостно вторгли нам.

Любили мы слушать, как дул
Подоблачный ветер со свистом.

С утесов мы, как альпинисты,
Взирали на милый аул.

Игра в альпинистов грозна.
Не знал я затей милее.
Взлезал на сосну тем смелее,
Чем выше и тоньше сосна.

С высокого прыгал моста
В курчавые горные волны,
Как рыба, бывал тем довольней,
Чем глубже бывали места.

У горского у пацанья—
Законы свои. И зовется
Лишь тот у нас истинным горцем,
Кто выучил в детстве коня.

И тот, что на санках слетал
С горы быстролетней, чем пуля,
И кто за лезгинку в ауле
На сборах призы получал.

Тем чаще о детстве грустим,
Чем больше живем мы на свете.

Мальчишечье десятилетье
Годам отдавать не хотим.

О Родина — отчий мой дом!
Пусть детство всю обувь сносило,
Пусть детство бесследно уплыло,
Тебе говорю спасибо
За светлую память о нем!

ТВОЯ ГАРМОНЬ ПРИНОСИТ РАДОСТЬ

Билялу Казиеву

Она не даром за сердце берет,
Гармонь твоя с потертыми мехами:
В ней слышится и шум весенних вод,
И шум орлиных крыльев над горами.

И не считаешь ты большим трудом
Зайти туда, где до рассвета — таницы.
Поет гармонь об этом и о том,
И по ладам легко летают пальцы.

Поет гармонь! Куда лады зовут?
В них столько и наивности и ласки!
И девушки, что лебеди, плывут,
И юноши несутся в бурной пляске.

И важные седые старики
Под эти звуки вспоминают юность,

Как будто впрямь, природе вопреки,
Она на миг, далекая, вернулась.

Поет гармонь! И в сердце странный жар,
И хочется во всем признаться милой.
Ах! Сколько молодых влюбленных пар
Твоя гармонь навек соединила.

В беду и в радость песня хороша!
И потому тебя, дружище, любим,
Что ведь гармонь — открытая душа,
Понятная, доверчивая к людям.

МЫ БРАТЯ

Карачаевскому поэту
Осману Хубиеву

Мы с тобой немало исходили,
И друг другу были мы нужны,
И последней крошкой делились,
И огнем той мировой войны.

Кровью позалецлены и грязью,
Край свой охраняли от врагов
И его не предали ни разу
Перед строем вражеских штыков.

И Кубань с Баксаном темно-синим
Будто были братом и сестрой,
Будто близнецы одной вершины,
Будто бы друзья, как мы с тобой.

Жили в мире, горевали вместе
Два народа, дух одной земли,—
Шли балкарки к карачаевцам в невесты,
Карачаевки к балкарцам в жены шли.

С давних лет, еще рабы у баев,
Помогать друг другу знали как,
Под одною буркой засыпая,
Понимали, кто нам — друг, кто — враг.



Стараюсь я, как многие стараются,
Изобразить в своих стихах красавицу,
Я знаю, что красивых любят все.
Так воздадим же должное красе!
Но если я чего-то в жизни стою,
То не пленюсь лишь внешней красотой:
Поистине бессмертно хороша
Не внешность, а красивая душа!

ВИШЕНКИ

Две вишенки, что посадил Заур,
Как и он сам, совсем еще малы.
С рассветом поливает их малыш,
Следит, чтоб ветер злой их не задул.

Идет, и рот его упрямо сжат.
До ночи возле вишенок хлопочет.
Как жеребята слабые, дрожат
Два стерженька в накрапах пухлых почек.

И вот приходит долгожданный час.
Глядит Заур восторженно и гордо:
Как в белых платьях, чистотой лучась,
Две вишенки стоят в цветах по горло!

Цветут и славят жизнь на все лады —
Благоухашьем, тихим благом тени...
И видит мальчик красные плоды
Сквозь белизну весеннего цветенья.



Тёпееву Алим

Стоит яблонька в цвету,
Молодая, белая,
Град угрюмый на лету
Наскочил на бедную.

Все-то ветки поломал:
Как в костях ломота...
Поливал и поливал,
Как из пулемета.

Бил все злее, все больней,
По листкам лягая.
Метил за что-то что ли ей,
Просто ль хулиганил...

Но она-то не сдалась,
Еще выше поднялась.

Впрямь по-человечьи
Распрямила плечи!

Град постукал и устал,
Сразу драться перестал,
Локотки расставил,
Лег, вздохнул, растаял...

Снова яблонька в цвету.
Быть тут урожаю...
Я за стойкость, прямоту
Ее уважаю!



Покуда не согреет землю
Весна дыханием своим.
Садам не нарядиться в зелень,
Цветами не гордиться им.

Без солнца нет ростков на грядках.
Рассвет без солнца — не рассвет.
Вот так и в доме нет порядка.
Покуда в нем хозяйки нет.

Она несет весну и лето.
Тепла и света торжество.
Мертва без женщины планета.
И в доме пусто и мертво!

ОСЕНЬ

Весь день в горах потоками усталыми
Плывут туманы. Льет холодный дождь.
Уныло воя, ветер вертит ставнями.
Деревья — до листка — пробрала дрожь.

Желты ковры полей осенних, пестрых,
И холодно в траве блестит роса.
И ласточки бросают свои гнезда,
И утишают птичий голоса.

Пора забот, упорства рук проворных —
Прошла она, горячая страда.
Полны амбары хлеба. С пастбищ горных
В долины гонят пастухи стада.

А в травах — переключка переспелок
Звучит неутомно, как зурна.
И речка, словно серебра осколок,
Вдруг вспыхивая, светится до дна.

В СЕДЫХ ГОРАХ РОЖДЕН ГЕРОЙ

Алиму Баисолтанову

В седых горах рожден герой.
Он с детства полюбил
Сиянье неба над собой
И взмах орлиных крыл.
Сильна была любовь его
К родному очагу.
Он в крае отчем ничего
Не отдавал врагу.
Когда ж коварный злобный враг
Затмил наш небосвод,—
Алим повел в огонь атак
Свой грозный самолет.
Поклялся он забыть покой,
Чтоб защитить в бою
Страну Советов, край родной —
Балкарию свою.

Он над Москвой орлом взмывал
Под сенью русских зорь,
Он от пришельцев защищал
Свободу гордых гор.
Он сеял страх среди врагов,—
Грозой народной был!
Он в тучах тридцать шесть костров
Зажег из вражьих крыл.
Но вражьей пулею сражен,
С холодной крутизны
Он пал, никем не побежден,
В тревожный плеск волны.
Но тем, кто пал за свой народ,
Жизнь вечная дана.
О Байсолтанове поет
Балтийская волна.
О вечной славе храбреца
Певцы слагают стих,
Отвагой движет он сердца
Товарищей своих.
Он на борьбу за мир зовет,
Отчизну-мать крешить,
Чтоб в мире не было сирот,
Чтоб в мире мирно жить.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Маленькому Заурчику

За окном ночная тишь,
За окном звезда горит.
— Спи спокойно, мой малыш! —
Мама сыну говорит.

Но смеется он в ответ,
Тянет пальчики к звезде,
Словно сна на свете нет,
И покоя нет нигде.

— Спи, мой нежный лепесток,
Мой орленок, засыпай!
После сладких снов, сынок,
Сладок хлеба каравай.

Чтобы мир был нерушим,
Спи, мой мальчик маленький!

За спокойным сном твоим —
Все надежды мамины.

И под добрые слова
В колыбель вливают сны,
И сквозь сон едва-едва
Улыбается им сын.

За окном ночная тишь.
За окном звезда горит.
В колыбели спит малыш,
Только мать его не спит.

1964

НЕ РАДИ КРАСИВЫХ СЛОВ...

Ну как тебе может казаться,
Что ради красивых слов,
Я смею губами касаться
Красивого слова Любовь?

Нет, слов не бросаю на ветер
Я ради красивых речей.
И разве распустятся ветви,
Когда нет под ними корней?

Как в землю сажают деревья,
Я в сердце любовь посадил.
Надеждой своей и доверьем
Я деревце это полил.

Оно — это ты, дорогая!
На нем не желтеет листва.

Тебя не заменит другая,
Любви не заменят слова.

Любовь я пронес сквозь разлуку,
От той и до этой поры..
И надо ли клясться друг другу,
Что нет за словами игры?

ОСМАН-ПОЧТАЛЬОН

Знает дело отлично Осман
И за словом не лезет в карман!
Он в обиду не даст никого:
Ни друзей, ни себя самого.

А друзей у Османа... Хотите
Сосчитать их? Да ну, не шутите!
Сосчитайте влюбленных вокруг —
Всем влюбленным Осман — лучший друг!

А не верите, просим, проверьте!
Он приносит им радость в конверте.
И сняет Осман-почтальон
Так, как будто бы сам он влюблен.

Пусть весь мир предлагают за это,—
Он не выдаст влюбленных секрета:

Все, до мелочи, тверд, как гранит.
Он от кумушек-сплетниц хранит.

Вот за это и любят Османа.
Вот за это его неустанно
Приглашают на свадьбы друзья.
Обойтись без Османа нельзя!



Пускай она «люблю» не говорит,
Не отводи встревоженного взгляда.
Взгляни в глаза. В глазах ее горит
Любовь к тебе, которой слов не надо.

Ее молчанью верить не спеши,
Когда глаза полны тепла и света.
Глаза, глаза! Вы — зеркало души,
Недаром люди говорят про это.

ОСЕНЬ В НАЛЬЧИКЕ

Каштаны

Пряный лист багряный

Роняют на виду у всех.

Они красивы, как горянки,

Танцующие абезех*.

Сияют листья

И, от ветра

Не отставая ни на шаг,

Покачиваются на ветках,

Как серьги в девичьих ушах.

* *Абезех* — балкарский парный танец

ГОРОДУ ФРУНЗЕ

Я парнем был восемнадцатилетним,
Когда издалека приехал сюда.
И мне не знакомый, ты спал на рассвете,
Как в зыбке, в зеленых весенних садах.

•
Друг друга не зная, сроднились мы скоро.
Бродя в полусумраке длинных аллей.
Влюбился в тебя я. Киргизия город,
В колонны высоких твоих тополей.

Твой облик единственный, неповторимый
Останется в сердце моем навсегда.
Бежит по арыкам все мимо и мимо
Прозрачная горных ущелий вода.

Дубы твоих парков несут мне прохладу
И запахи леса, любимого мной.

Со старой скамейки из тихого сада
Весенняя ночь не пускает домой.

На улицах счет потеряешь деревьям,
И люди и птицы в зеленом плену.
Я вижу, как здесь, на земле своей древней,
Ты юности переживаешь весну.

Дымят на окраинах трубы заводов,
Встают институтов и школ корпуса.
Ты — город, какой не состарят и годы,
Тебя молодят новостроек леса.

Запомню я ночи, что пахнут плодами
И прелесть осенних твоих вечеров,
И горы Тянь-Шаня, чьи под облаками
Вздываются в небо громады хребтов.

За то, что со мной твои люди простые
По-братски делили тепло очага,
Вовек мое сердце к тебе не остынет,
Земля твоя будет вовек дорога.



Как сорняки мешают урожаю
Тянуться в небо, зеленеть, цвести,
Так зависть бесталанная мешает
Таланту развиваться и расти.



Адельгери Соттаеву

Листья падают с березы —
Это осень, холода.
От житейской грустной прозы
Не уедешь никуда.

Поседел твой черный волос,
Поредел, как зимний лес,
Глуше стал веселый голос
И загар с лица исчез.

Ну и что ж? Не огорчайся,
Головою не качай,
Гордо с юностью прощайся,
Старость шуткой повстречай.

Вот красивая девчонка
На свидание спешит.

Вот красивая девчонка
Новой туфелькой стучит.

И, цветок держа рукою,
На тебя не бросит взгляд.
А могло ли быть такое
Двадцать лет тому назад?

О, тогда б она ласкала
Взглядом все твои следы.
И с тобою встреч искала
Возле вспененной воды.

Но всему свой срок на свете:
Веснам, яблокам, птенцам.
Пусть любовь сверкает детям,
Как сверкала их отцам!



Ждут в засуху дождя. Он не идет...
Так этот паренек подругу ждет.
Ну, а моя любимая — точь-в-точь —
Приходит так, как день смеяет ночь!

ПУСТЫШКА

Жил пустышка и ленивец

Имярек,

С виду ладный и красивый человек.

Ни любви не знал, ни дружбы,

Ни родства,

Цвел, как без картофеля ботва,

Та ботва, что осенью сгнила,

А кому нужна такая жизнь была?

В ТРЕВОЖНУЮ НОЧЬ

Брату *Ибрагим*у

В совершенно пустой палате
В этот час совершенно темно.
Я лежу на измятой кровати
И смотрю в ночное окно.
Край земли как будто покрыли
Разогромные крылья орла.
Крылья небо и звезды скрыли,
Хоть одна бы звезда взопла!
Ох, какие тяжелые тучи
Над палатой моей плывут.
Почему они меня мучают,
Для чего собираются тут?
Гром безудержный так грохочет,
Будто хочет мне что-то сказать.
А кровавая молния строчит
Пулеметным огнем в глаза.

Ветер свищет, как над покойником.
Не за мной ли он пришел?
Каплет, каплет дождь с подоконника
Материнской слезой на пол.
В совершенно пустой палате
В этот час совершенная жуть.
Я лежу на измятой кровати
И никак не могу заснуть.

ГОСТ

(Из пьесы „Судьба Солтана“)

Хорошими пусть будут наши дни,
А нехорошие — прочь отгони!
Сверкающими песнями встречай
Свой сказочный, богатый урожай!

Эй, бабушка! Испей со мной вина!
Как эта чаша, будет жизнь полна!
Сердца друзей в родной Отчизне вновь,
Как закрома, наполнила любовь.

ЛЕТОМ В ГОРНОМ АУЛЕ

Хорошо в родном ауле летом.
У реки, что в звездочках-огнях,
Старики, ну прямо как поэты,
О былых рассказывают днях...

Кукуруза шелестит негромко,
В небе туча лебедем летит,
Из-за тучи, как невеста, скромно
На землю луна порой глядит.

В клубе танцы, и приезжий парень
Девушку зовет на абезех,
И, сияя со студентом в паре,
Девушка танцует лучше всех.

Всюду окна светятся приветом.
Нет гостеприимнее дверей.
Хорошо в родном ауле летом,
Приезжайте в гости поскорей.



Ты в моем сердце. Мы родными стали
С тобою, черноглазая, навсегда.
И, как кинжал из самой лучшей стали.
Любовь не поржавеет никогда.



Светлый дождь,
До чего он звонок!
В каждой капельке —
Искра солнца.
Этот дождь, как малый ребенок,
Плачет и тут же смеется.
...Радости нет в семье без детей.
Безмолвны и весен горпы.
Так не поднимет шумных ветвей
Дуб, чьи повысохли корни.



Моя голубка, улетела,
Разрушила все мои мечты?!
Со мною быть не захотела.
Другого полюбила ты?!

Пусть горько мне, я не заплачу,
Тебя ничем не огорчу,
Свою любовь навеки спрячу
И на обиду промолчу.

Но в час, когда все будут рады
Тебе, невесте молодой,
Когда услышу звук орайды *,
Наедине с моей бедой

* Орайда — свадебная песня.

И, словно женщина, заплачу,
Тебя по-прежнему любя.
О том, что ничего не значу,
Моя голубка, для тебя.



Л. А. В.

Если любишь меня, полюби мой язык,
Тот, к которому с самого детства привык,
Полюби мой аул, как меня самого,
И прекрасные, звучные песни его...

ВЕСНОИ

Из серых туч прорвался солнца луч,
Позолотил вершины горных круч,
И, полная доверия, надежды,
Земля снимает белые одежды.

А с вечных льдов, задорно молода,
Срывается шумливая вода.
И птица, возвещая свой прилет,
Над первой травкой о весне поет.

Серебряными шпорами звена,
Зима седлает белого коня
И скачет прочь, чтоб солницу не мешать,
Как мать ребенка, землю целовать.

Весна, весна! Все очень рады ей.
И у ребят п у лесных зверей
Сегодня праздник — первый день весны.
И все весенней радости полны!

ГОРЯНКА

Потеряла горянка цокон.
И в ресницы — глаза, как в леса.
У горянок обычай такой:
От любимого прятать глаза.

Рядом с девушкой горец молчит,
Засыляет глазами сватов.
Я — как будто из песни джигит,
Громко петь о тебе я готов.

Запекается соль на губах —
Без тебя засыхает душа.
Хороша ты, как солище в горах,
Но не в скрытности ты хороша.

Я встречаю рассвет не во сне,
Просыпаюсь с тоской о тебе.

Если любишь, признайся ты мне,
Ты со мной не на горной троне.

Для меня откровенность — скромна.
Для меня откровенность — чиста.
Пусть все видят: над нами одна
Путеводная наша звезда!

ПАРТИЗАНСКИЙ МАРШ

(Из пьесы „Рассвет в горах“)

Взвивайтесь гордо, горные орлы!
Свобода засветила нам из мглы,
Сердца горячей кровью налиты,
Богатым стало знамя бедноты.

Дни угнетенья были нележки,
Но нет рабов, исчезли батраки,
Прицел, проверенный веками, дан
Оружью рабочих и крестьян.

Горят аулы, сакли слез полны,
Белогвардейцами подожжены.
Вперед, вперед — таков бойцов маршрут!
Вперед, вперед — ущелья храбрых ждут.

ВЕЧЕРОМ

Последней улыбкой маячат
Цветы, вспоминая о дне.
И к матери маленький мальчик
Припал, улыбаясь во сне.

От золота зарева грозно
Над лесом пожар занялся.
Гася его мокрыми гроздьями,
Вечерняя пала роса.

Темнеет. Сгущается воздух.
Спят речки, чуть слышно журча...
И светятся первые звезды,
Как лампочки Ильича.

Ночь день отгоревший сменяет.
Но не прекращается жизнь:
Восходит луна и сияет
Двоим, что ее заждались!

ГРУСТНЫЙ ПАРЕНЬ

(Поэма*)

Тот, кто не знает ужасов ада,
тот не поймет прелестей рая.

(Народное изречение)

Вам расскажет эта сказка
О далеких днях...
Высоко в горах Кавказских
Жил один бедняк.

Вечно слабый и несчастный,
Был он очень стар,
Но детей имел прекрасных
Дедушка Омар.

Было трудно человеку
Двух детей кормить.
И тогда надумал в Мекку
Наш бедняк сходить.

* По мотивам народной сказки.

Одевался он убого,
Мало ел и пил.
Всё деньжата на дорогу
Дедушка копил.

Он работал, не жалея
Тела и души,
Стать хотелось поскорее
Праведным хаджи*.

А когда подрос немного
Мальчик у него,
Он с собою взять в дорогу
Вздумал и его.

В час, когда косые тени
Стлались по земле,
Шел Омар в конец селенья
К старому мулле.

Через ленистую речку
С каменистым дном
Нес Омар ему овечку
И бурдюк с вином.

* *Хаджи* — человек, побывавший в Мекке.

И сказал мулле, прощаясь:
— Беден я и слаб,
И тебе я поручаю
Дочь мою Зайнаб.

Красотой ее чудесной
Наделил аллах,
Свет волшебный, свет небесный
У нее в глазах.

Если ты ее не видел —
Гостем в доме будь,
Присмотри, чтоб не обидел
Дочку кто-нибудь.

И сказал мулла Омару:
— Будь спокоен, брат.
И когда дорогой старой
Ты придешь назад.

Дочь свою еще красивей
Ты увидишь, брат,
И нарядней, и счастливей
Ты увидишь, брат.

А когда заря играла
Серебром вершин,
В Мекку дальнюю устало
Шли отец и сын.

* * *

Вьются, как две речки горных,
Косы у Зайнаб,
Словно голуби, проворны
Руки у Зайнаб.

Станом легче, чем чинара,
И лицом светла.
Что-то в бедный дом Омара
Зачастил мулла.

На ночлег спешило солнце,
С гор спускалась мгла...
Постучал к Зайнаб в оконце
Праведный мулла.

Он вошел зловецей тенью,
Темный и большой:
— Дай кумган для омовенья
Со святой водой.

Вот она кумган подносит
Со святой водой...
А мулла так сладко просит:
— Сядь, Зайнаб, со мной.

Без тебя я жить на свете
Не могу никак.
Хочешь, завтра на рассвете
Совершим неках *.

А сейчас тебя с собою
Я возьму домой.
Станешь ты моей седьмою,
Младшею женой.

Вместе с этими словами
Со скамьи он встал,
Волосатыми руками
Девушку обнял,

Но, рванувшись, что есть силы
Из корявых лап,
Ловко в двери проскочила
Стройная Зайнаб.

Неках — запись о бр кс.

Воротилася с лопатой,
Раз — и в тот же миг
На пол грохнулся усатый
«Удалой жених».

И с лицом, земли чернее,
Будто насмерть пьян.
Он валялся перед нею,
Как большой кабан.

И от страха замирая,
Словно смерть бледна,
На ночь в каменном сарае
Спряталась она.

* * *

Из-за гор луна выходила,
Свет неся земле.
Воротились ночью силы
К старому мулле.

Лоб трещал, болели кости,
В голове содом,
Как кобель, рыча от злости,
Он вошел в свой дом.

Взад-вперед, как угорелый,
Отмерял шаг:
«Что же делать, что же делать,
Боже, помоги».

Надавали мне по шею,
Потерял я честь.
О, придумай поскорее
Для девчонки мечь».

Погасив свечи огарок,
Лег он на кровать
И решил письмо Омару
В Мекку написать.

В дикой злобе, как в тумане,
Подскочил к столу:
«Ты, змея, еще помянешь
Старого муллу».

Он шептал:

«Твоя девчонка
Бросилась в разгул.
К ней ночами, потихоньку,
Ходит весь аул».

Надо мной смеются люди.
Как мне быть, скажи?
Дочь убей, а то не будешь
Ты вовек хаджи».

* * *

О беде еще не зная,
Как великий дар,
В руки взял письмо, вздыхая,
Дедушка Омар.

И, глазам своим не веря,
Как перед концом,
Он читал. И в это время
Он чернел лицом:

— Как, моей любимой дочке
Честь не дорога?! —
Рвал Омар письмо в кусочки,
Будто рвал врага.

Знать, сирота бедняк поверил
Гнусному вранью.
Лютой казнью он намерен
Дочь казнить свою.

Думал он:

«Раз виновата

Дочь моя в грехах,
Пусть ее рукою брата
Поразит аллах».

Он приказывает сыну:

— Где-нибудь в горах
Нож Зайнаб ты всадишь в спину —
Так велел аллах.

И продолжил, хмурия брови:

— А когда убьешь,
То с собой пшазку крови
В Мекку привезешь.

Ну, ежай скорее с миром

В милую страну,
Да не трусь, держись батыром,
Струсншь — прокляну.

* * *

Много верет уж сын измерил

Днем и в темноте,
Но душой он не поверил
Страшной клевете.

Впереди аул знакомый.
И к исходу дня
Грустный-грустный возле дома
Он сошел с коня.

Начинался тихий вечер.
Но, как день, светла,
Шла Зайнаб ему навстречу
И кувшин несла.

Жаркой радостью объята,
Бросив ношу прочь,
Обняла сестрица брата.
Мрачного, как ночь.

Но немой вопрос при этом
Не сходил с лица:
«Почему с тобою нету
Нашего отца?»

Брат тоскливо усмехнулся,
Тихо произнес:
«Он велел, чтоб я вернулся,
Кровь твою привез.

К нам пришли худые вести,
Их прислал мулла,
Будто ты девичьей чести
Здесь не сберегла.

Должен здесь убить, как зверя,
Я сестру свою.
Но не в силах я поверить
Этому вранью.

Поскорее одевайся.
Милая сестра,
Да в дорогу собирайся —
Ночь уж у двора.

Там, в горах, где воздух синий,
Где шумят ветра,
Ты и будешь жить отныне,
Милая сестра.

Там никто тебя не встретит,
Будешь жить одна.
Там гуляют только ветер,
Солнце да луна».

* * *

Вот и ночь в горах настала...
По тропе, сквозь тьму,
Добрый конь бредет устало —
Тяжело ему.

А когда порозовели
Горы на заре,
Конь тащился еле-еле
От горы к горе,
И воскликнул брат:

— Довольно!

Мне назад пора!
Как с тобой расстаться больно,
Милая сестра!

Чем страдать в минуты эти,
Горько слезы лить,
Лучше б нам с тобой на свете
Вовсе и не жить!

А когда прощаться стали,
Брат сестру обнял.
Горы плакали и скалы —
Стон вокруг стоял.

Брат вскочил в седло. И вскоре
Скрылся он из глаз...
Пусть бы враг такое горе
Непытал хоть раз.

Через горы, через реки,
Сквозь жару и мглу
Приближался всадник к Мекке,
Вез он пиалу.
И звенела тонко-тонко
Эта пиала.
В той пиалке — кровь козленка
Палита была.

Всадник входит в дом Омара.
Стал он у дверей:
 Принимай, отец, «подарок» —
 Кровь сестры моей.
Под уступом каменистым,
Около ручья,
Глубоко в ущелье мглистом
Дочь лежит твоя. —
И Омара сердце сжалось.
Он сказал в ответ:

— Лучше б вовсе не рождалась
Ты, Зайнаб, на свет.
Про тебя я что отвечу
Дома землякам?! —
И катились целый вечер
Слезы по щекам.
По горам и по долинам,
Двигаясь с трудом,
Шел Омар обратно с сыном
В свой холодный дом.
Много дней Зайнаб скиталась,
Много верст прошла.
Только диким мхом питалась,
Ночи не спала.
Как-то раз, сойдя с вершины,
Где гремел обвал,
Побрела она в долину
У подножья скал.
По траве пошла несмело,
Опасаясь змей...
Роца тихая шумела,
И звенел ручей.
Над ручьем свистели птицы,
Рос могучий граб...

Подошла к ручью напиться
Бедная Зайнаб.
Губки ей вода щекочет,
Вымокла коса.
Вдруг послышались за рощей
Чьи-то голоса.
Звук рогов, бряцанье сабель,
Громкий конский храп.
И в ветвях густого граба
Спряталась Зайнаб.
И гремело долго эхо
В синей вышине...
Вот к ручью джигит подъехал
На лихом коне.
На ремне книжал качался,
Щит горел, как жар.
То с охоты возвращался
Удалой Мухтар.
Вместе с ним сюда спешили
Верные друзья:
Отдохнуть они решили
Около ручья.
На траве пасутся кони,
Варят суп друзья...

Зачерпнул Мухтар в ладони
Воду из ручья.
А вода в ручье искрится,
Блещет, как слеза.
И глядит со дна девица
Юноше в глаза.
Может, это наважденье?
Мила темных чар?
И с тревогой, с удивленьем •
Смотрит вверх Мухтар.
Тихий ветер слабо-слабо
Листья шевелит...
На ветвях густого граба
Девушка сидит.
Льются слезы безутешно,
Падают — кап-кап...
Кто же это? Ну конечно
Юная Зайнаб.
— Что ты плачешь? И какая
У тебя беда?
— По горам давно блуждая,
Я зашла сюда.
— Ну, слезай к нам. Гостьей будешь.
Рады мы тебе.

Не должны друг друга люди
Оставлять в беде.
Если хочешь, едем с нами,
Будешь нам сестрой,
Там, за хмурыми горами,
Наш аул родной.
Там журчанье водопада,
Трели соловья...
Будет гостье очень рада
Матушка моя.

* * *

Домик, маленький и старый,
Виден под горой.
Там живут Зайнаб с Мухтаром,
Словно брат с сестрой.
Чистота, уют, порядок
В сакле под горой.
Мать Мухтара очень рада
Девушке такой.
А Зайнаб с утра хлопочет,
Носит воду, шьет.
И ее Мухтаров отчим
Дочкою зовет.

И живут семьею тесной
На виду села...
Но за дружбою чудесной
И любовь пришла.
— Чем мой сын тебе не пара?
Он не худ, не слаб,—
Как-то молвит мать Мухтара
Ласковой Зайнаб.—
Вместе нам совсем не тесно,
Сакля — хоть куда.
Будь, Зайнаб, моей невесткой,
С нами будь всегда.
Защитит тебя в ненастье
Милый человек... —
У Зайнаб полнее счастья
Не было вовек.

* * *

Время птицей пролетает,
Мчится, как скакун.
Вот уж в сакле подрастает
Маленький крикун.
Малыша любили очень
Бабушка и мать.

Даже дед — Мухтаров отчим —
С ним ходил гулять.
В нем Мухтар души не чает,
Все к нему спешит...
Только часто замечает,
Что Зайнаб грустит.
— Что грустишь ты вечерами,
Может, ты больна?
— Там, за дальними горами
Сакля есть одна.
Вьется бурная река там,
Как хрусталь, светла.
Там живут отец мой с братом,
Там и я жила.
Там ветра мне песни пели
Летом и зимой,
Отпусти хоть на неделю
Погостить домой. —
Ни за что Мухтар не хочет
Расставаться с ней.
Все ж приказывает:
— Отчим,
Оседлай коней.
Пусть летят быстрее пули

В дальние края.
Знай, Зайнаб, что здесь, в ауле,
Будут ждать тебя.

* * *

Ковь идет по тропке зыбкой,
Тяжело дыша.
На руках Зайнаб с улыбкой
Держит малыша.
Днем при солнце скачет. Ночью
Скачет при луне.
Позади трясется отчим
На своем коне.
А вокруг толпятся скалы,
Нагоняя страх.
Ночь ненастная застала
Путников в горах.
Гром рычал страшнее зверя,
С юга туча шла.
С малышом в сухой пещере
Спать Зайнаб легла.
Разыгралась непогода,
Близилась гроза.

Отчим с трубкой возле входа
Не сомкнул глаза.
Тучи черные нависли.
Не видать ни зги...
Забрели дурные мысли
Отчиму в мозги.
Взор его блестел, как уголь.
Страсть немая жгла.
Как шакал, он полз в тот угол,
Где Зайнаб спала.
Вот его рука коснулась
Молодой груди...
В тот же миг Зайнаб проснулась
И во тьму глядит...
Все Зайнаб понятно стало.
И, забыв про страх,
Из пещеры убежала
С сыном на руках.
Неодетой, босоногой
Наугад пошла.
Догнала ее дорогой
Меткая стрела.
Не хотел, как видно, отчим
Тайны разгласить.

И решил коварный отчим
Женщину убить.
То ль дрожали сильно руки,
То ль стрелять не мог,
И стрела попала внуку
Прямо в левый бок.
Хочет ветер над долиной
Тучи разогнать...
Схоронила утром сына
Молодая мать.
Над могилой посидела
И пошла туда...
Где на западе белела
Горная гряда.
И опять хребты, отроги,
Холод да туман...
Ей однажды на дороге
Ветретился чабан.
Был чабан совсем не старьей
(В бурке, в чабурах),
Он хозяйские отары
Летом пас в горах.
И в глазах Зайнаб усталой
Он прочел печаль:

Как ты, девушка, попала
В такую даль?.. —
И слезинка засверкала
Из-под красных век:
— Накорми меня сначала,
Добрый человек. —
Догорал костер веселый
У подножья скал.
О ее судьбе тяжелой
Все чабан узнал.
Он спдел, суровый с виду,
Около костра:
— Никому тебя в обиду
Я не дам, сестра.
Эти овцы и бараны,
Что вокруг лежат,
Богачу они Хасану
Все принадлежат.
Надевай мужское платье,
Прячь свою косу,
Пусть все думают, что братья
Этот скот пасут.
Мы пойдем с тобою рано
Утром к богачу.

Ты скажи, сестра, Хасану:
Скот пасти хочу.
Говори Хасану смело:
С детства труд знаком,
Что старательным, умелым
Будешь батраком.
Ну, а главное, не вздумай
Набавлять цены:
По дешевке толстосуму
Батраки нужны.

* * *

Ждет Мухтар и днем и ночью
Милую жену.
Вдруг он видит: скачет отчим,
Подлетел к окну.
— Сын, обмануты мы оба,
Девка удрала.
И меня в пути до гроба
Чуть не довела.
И теперь, небось, со смехом
Вспоминает нас.

Ах, зачем я с ней поехал
В тот жестокий час.
На краю высокой кручи
С речкой в глубине
С нами встретился могучий
Всадник на коне.
Бурка черная, папаха,
Золотой кинжал,
Но пред всадником от страха
Я не задрожал.
А жена твоя проворно
Спрыгнула с седла
И прищельца в бурке черной
Нежно обняла.
Я за честь твою вступился,
Их убить хотел,
Но случайно оступился,
С кручи полетел.
Я ударился о камни
Сильно головой.
О, беда мне, о, беда мне,
Я едва живой.

* * *

У Мухтара удалого
Защемило грудь.
Вывел он коня гнедого
И собрался в путь.
Днем при солнце едет. Ночью
Едет при луне.
А за ним трясется отчим
На своем коне.
Впереди река блеснула,
Поспешили к ней,
Возле тихого аула
Спрыгнули с коней.
Уж не в этом ли ауле
Выросла жена?
К бедной сакле повернули,
В сакле—тишина.
В саклю две ведут ступеньки,
Тополь у окна.
Дед сидит в углу у стенки,
Белый, как луна.
Бьется сердце у Мухтара
И дрожит рука:
Покажи нам дом Омара,—

Просит старика.
— Я Омар. Какие вести
Ты привез, джигит?
— Ты Мухтару будешь тестем, —
Отчим говорит.
— Поздно ты, джигит, явился.
Медленно скакал,
Ты, видать, с дороги сбился,
Не туда попал.
Там, под тесом каменистым,
Около ручья,
Глубоко в ущелье мглистом
Дочь лежит моя.
Доброй, ласковой женою
Стать она могла б,
Только нет давно со мною
Дочери Зайнаб.
— Нет, старик, ты слутал что-то,
Видно, стал ты стар...
Слушай, ехал раз с охоты
Молодой Мухтар.
Вместе с ним домой спешили
Верные друзья.
Отдохнуть они решили

Около ручья.
Распевали громко птицы
Песенку свою.
Захотел Мухтар напиться,
Подошел к ручью.
А вода в ручье звенела
Тонко, как струна.
И в лицо ему глядела
Девушка со дна.
Над водой листва шумела,
Рос могучий граб.
На ветвях его сидела
Дочь твоя, Зайнаб.
Крепко парню полюбилась
Дочь, старик, твоя.
И на свете появилась
Новая семья.
Жил он с ней, не зная горя,
На виду села.
И Зайнаб Мухтару вскоре
Сына родила.
Но беда за счастьем следом
Подошла к крыльцу.
Говорит Зайнаб:

«Поеду
К брату и отцу».
Вместе с ней поехал отчим
В дальнюю страну.
Ждал Мухтар и днем и ночью
Милую жену.
На краю высокой кручи,
С речкою на дне,
Повстречался им могучий
Всадник на коне.
И умчался тот разбойник
С сыном и женой...
Отчим бледный, как покойник,
Прискакал домой.

* * *

А старик, согнувши спину,
Все сидит в углу.
Говорит, очнувшись, сыну:
— Приведи муллу...
Пусть готовится в дорогу
Дочь мою искать.
Вам в пути посланник бога
Будет помогать...

В путь-дорогу той же ночью
Вышли из села
Сын,
Мухтар,
Убийца отчим
И злодей мулла.

* * *

Очень нравился Хасану
Молодой батрак.
Он работал неустанно:
Пас овец в горах.
Рано утром за водою
Бегал к родникам.
И не требовал покоя
Он своим рукам.
Если вечер был хороший,—
После всех работ
Веселился возле коша
Молодой парод.
Но когда друзья играли,—
Он грустил тайком.
И за то его прозвали
Грустным пареньком.

— Эй,— кричат,— не вешай носа!
Лучше б песню спел! —
Паренек под шапкой косы
Девичьи имел...
Чабаны поют, играют,
Лишь грустит один.
Видят, к кошу подъезжают
Четверо мужчин.
Эти люди нам знакомы,
Впереди — Мухтар...
По камням звенят подковы,
Щит горит, как жар.
Гости в коше — режь бараника,
Не жалеё вина.
И пошла по кругу чашка —
Выпивай до дна.
Гости в коше — значит надо
Веселить гостей!
Тамада кричит:
— Ребята,
Пойте веселей!
Кто не может петь, пусть пляшет,
Волю даст ногам.
Кто не пляшет — пусть расскажет

Что-нибудь гостям.—
Пляшут парни в хороводе,
Не жалеют ног.
Незаметно в круг заходит
Грустный паренек:
— Из меня певец не вышел,
Можно рассказать.
До сих пор я был лишь зритель.
Прочь теперь тоску!
Расскажу про то, что видел
на своем веку.
Говорю при всем народе,
Помни, тамада,
Пусть из коша не выходят
Гости никуда!

* * *

Мой рассказ похож на сказку
О далеких днях.
Высоко в горах Кавказских
Жил один бедняк.
Было трудно человеку
Двух детей кормить,
И тогда надумал в Мекку

Тот бедняк сходить.
Был он стар и очень беден,
Всех бедней в селе...
Дочь-красавицу доверил
Старому мулле.
А мулла — старик носатый —
К дочке приставал.
И она его лопатой
Сшибла наповал.
И послал худые вести
В Мекку тот мулла,
Будто дочь девичьей чести
Здесь не сберегла.
А потом, в ночную пору,
Грустную от слез,
Брат ее далеко в горы
От людей увез.

* * *

Сын Омара восклицает:
— Люди, я не вру,
Грустный парень правду знает
Про мою сестру.

Что ж ты, юноша печальный,
До сих пор молчал?
На какой дороге дальней
Ты Зайнаб встречал?
Где, в каком ауле видел
Ты сестру мою.
Если кто ее обидел —
Я того убью.—
Грустный парень дальше хочет
Продолжать рассказ.
А мулла вдруг как подскочит:
— Где тут дверь у вас?
Покажите мне живее
Выход или вход.
Надо выйти поскорее...
У меня... живот... —
Паренек сказал учтиво:
— Пусть потеряют те,
У кого беда случилась
Даже в животе.—
А мулла глазами шарит:
В западню пошел.
И рассказывает парень,
Где Зайнаб встречал.

Рассказал он, между прочим,
Как в глухих горах
Застрелил ребенка отчим
У Зайнаб в руках.

* * *

А Мухтар, темнсе ночи,
Крепко зубы сжал.
И в руке его могучей
Заблестел кинжал.
 Что ты, парень, сочинишь?
Ложь твоя черна.
Может, ты и вправду знаешь,
Где моя жена?
Может, ты ответишь твердо,
Где встречал ее? --
И слегка паришке в горло
Впилось острне.
Отшатнулся от кинжала
Грустный паренек.
Шапка под ноги упала
И лежит у ног.
Потянулся он за нею,
Чтоб поднять с земли.

Две косы ему, как змеи,
На плечи легли...
И припал к ногам Мухтара
Отчим в тот же миг,
Но от мощного удара
Скорчился старик.

* * *

А мулле сперва немного
Сгладили бока.
А потом нашли хромого
Где-то ишака
И на нем муллу катали
Чуть ли не всю ночь,
А к утру его прогнали
Из аула прочь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отчизне. Перевод С. Евсеевой	5
«О, как же я по вас тоскую, горы!..» Перевод Р. Казаковой	6
Родник Гирхожан. Перевод Р. Казаковой	7
«Словно гром, грохочут руки...» Перевод Г. Корина	8
Любовь поэта. Перевод Р. Казаковой	9
Благодарен, партия, тебе! Перевод Р. Казаковой	11
Неврученный подарок. Перевод Г. Корина	12
Мой народ. Перевод Р. Казаковой	14
Навеки вместе. Перевод Е. Орловской	15
«Ты, мой народ, трудолюбив и горд...» Перевод Р. Казаковой	17
Клеветник. Перевод Р. Казаковой	18
«Они живы, твой отец и мать?..» Перевод С. Евсеевой	20
«Если на улице пляшет буран...» Перевод Эд. Орловского	21
«Жить без любви...» Перевод Р. Казаковой	22
Фонтан слез. Перевод Р. Казаковой	23
У могилы Грибоедова. Перевод Р. Казаковой	25
Сердце. Перевод Р. Казаковой	27

Жалоба соседа. Перевод Р. Казаковой	29
У родничка. Перевод Р. Казаковой	30
«Кто хлеб берет нечестною рукой...» Перевод Ю. Морзи	31
Мой первый учитель. Перевод С. Евсеевой	32
В сумерки. Перевод Р. Казаковой	35
Песня колхозника. Перевод А. Вольского	36
Подарок. Перевод Р. Казаковой	38
Отчего ты, сердце, сжалось?.. Перевод Р. Казаковой	40
Воспоминание о детстве. Перевод И. Лиснянской	41
Твоя гармонь приносит радость. Перевод Ю. Полушина	44
Мы братья. Перевод Г. Корина	46
«Стараюсь я, как многие стараются...» Перевод Р. Казаковой	48
Вишенки. Перевод Р. Казаковой	49
«Стоит яблонька в цвету...» Перевод Р. Казаковой	50
«Покуда не согреет землю...» Перевод Р. Казаковой	52
Осень. Перевод Р. Казаковой	53
В седых горах рожден герой. Перевод В. Игнатенко	54
Колыбельная. Перевод И. Лиснянской	56
Не ради красивых слов... Перевод И. Лиснянской	58
Осман-почтальон. Перевод Р. Казаковой	60
«Пускай она «люблю» не говорит...» Перевод Р. Казаковой	62
Осень в Нальчике. Перевод Р. Казаковой	63
Городу Фрунзе. Перевод Е. Орловской	64

«Как сорняки мешают урожаю...» Перевод Р. Казаковой	66
«Листья падают с березы...» Перевод Ю. Мориц	67
«Ждут в засуху дождя...» Перевод Р. Казаковой	69
Пустышка. Перевод А. Люкина	70
В тревожную ночь. Перевод Эд. Орловского	71
Тост. Перевод М. Светлова	73
Летом в горном ауле. Перевод Р. Казаковой	74
«Ты в моем сердце...» Перевод Р. Казаковой	75
«Светлый дождь...» Перевод Л. Татьянической	76
«Моя голубка, улетела...» Перевод Р. Казаковой	77
«Если любишь меня...» Перевод Р. Казаковой	79
Весной. Перевод Р. Казаковой	80
Горянка. Перевод С. Евсеевой	81
Партизанский марш. Перевод М. Светлова	83
Вечером. Перевод Р. Казаковой	84
Грустный парень (Поэма). Перевод В. Ходулина	85

С (балк.)2

Б 86

Исса Жарахматович Боташев

ОТ ДОМА К ДОМУ

Редактор П. Х. Кажаров

Художник И. В. Чичкин

Художественный редактор И. Г. Абрамов

Технический редактор Т. М. Барги

Корректор Е. Е. Терушкина



Сдано в набор 11/1 1965 г.

Подписано к печати 12/11 1965 г.

Бумага 84 × 108¹/₃₂.

Физ. печ. л. 1,9375

Усл. печ. л. 3,255. Уч.-изд. л. 2,76.

Тираж 1000 экз. Заказ № 227

Ч01218. Цена 19 коп.



Кабардино-Балкарское

книжное издательство

Нальчик, проспект им. Ленина, 33



Типография им. Революции 1905 года

Управления по печати

при Совете Министров КБАССР

Нальчик, проспект им. Ленина, 33

Цена в переплёте 19 коп.